

УДК: 213+ 130.2

**СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ «СВЯЩЕННОЕ»
В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ.**

Петев Николай Иванович

Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых
г. Владимир, Россия)

Данная статья посвящена проблематике редукции священного в область социального, что приводит к формированию феномена социальной «сакральности» и дисперсии собственно нуминозного.

Настоящее время ярко репрезентует тезис о том, что «священное» является феноменом не только области религии. Более того, сегодня наблюдается кризис сакрального в сфере собственно религиозного. Под этим не стоит понимать количественные характеристики изменений, которые связаны в частности с религиозными институтами, но именно качественные метаморфозы, связанные с деформацией феномена святости. Последнее предполагает не только изменение дефиниции данного явления, но и смену объектов, стоящих за ним. Религия хоть и является формально единственным держателем, инстанцией распределяющей и назначающей данный статус, но, тем не менее, в действительности она потеряла свою власть над сферой «священного».

Можно назвать несколько причин секуляризации «священного» в сфере религиозного. Во-первых, это вырождение собственно мистического компонента. Мистика не только доводит противоположность нуминозного объекта природе и всему мирскому до крайнего предела, но и противопоставляет его им, подразумевая, что это нечто иное, что можно помыслить или существует [10, с. 50]. Момент *Mysterium* – это один из компонентов «совершенно иного», то есть священного, благодаря которому оно являлось самим собой, а именно сакральным, что внушает особые чувства (остолбенение, страх, жуть, трепет и т.д.). Во-вторых, редуцирование и формализация внутреннего содержания мифологического и религиозного содержания. Такие исследователи как Юнг К.Г. [14, с. 20, 11-12], Элиаде М. [13, с. 157, 160-161], Кемпбелл Дж. [6, с. 130, 200-201] и многие другие подчеркивают деструктивное влияние редукции мифа к науке, биографии, литературе, истории. В-третьих, чрезмерное интегрирование религии в социум. Вебер М. отмечал, что чем дальше религия находилась в оппозиции внешнему миру, тем дальше она являлась религией спасения [4, с. 11]. Буаье П. подчёркивал заинтересованность религиозных организаций («религиозных гильдий») в приобретении политических и экономических благ в рамках своей деятельности [3, с. 366-371]. Контаминация религиозного и социального привело к профанации «священного», в частности момента *Mysterium*. Более того, социум постепенно становится не только регулятором, но и держателем сакрального. В-четвертых, процесс эстетизации религии. Союз религии и искусства имеет место, когда первая стремится обрести массовый характер (чем выше это желание, тем интенсивнее обращение к сфере эмоционально-чувственного) [4, с. 24]. Ещё одним ярким примером данного процесса является феномен введение пышного и ярко-церемониала. Он является признаком вырождения религиозной организации, в частности инициатической, а усиление его блеска и пёстроты наносит урон обряду и ритуалу [5, с. 260]. Избыточность и формализм, таким образом, становятся факторами нивелирующими значение культовых действий.

Сакральное становится слишком «дорогим» атрибутом для религии, а также тяжеловесным. Непосильной задачей становится преследование двух целей: быть медиатором и репрезентом «священного» и вместе с тем актуализировать себя в рамках социально-политического и экономического приобретения благ. В такой парадигме, происходит транспозиция сакрального в область социального. Последнее становится тотальным узурпатором и распределителем «священного». Фромм Э. указывал, что искусство и религия изначально были средствами ухода от обыденности, но сами в итоге стали новыми формами обыденности [12,

с. 102]. Отчуждённое собственной сферой (т.е. сферой религиозного) сакральное становится инструментом социального. Мода, успех, власть, деньги и т.д. – всё это примеряет на себя роль «священного». Они и есть новые её формы, модусы социальной сакральности. Они имеют иное (обыденное) название, но характер, который им приписывают «священен». Мода предполагает возможность постоянных подстановок, она доминирует над остальными областями и превращает культуру в игру симулякров [2, с. 169-170]. Более того, сама религиозность становится модой. Практика йоги, восточный и западный эзотеризм, духовные методики самосовершенствования – всё это становится яркой вывеской аутентичности (в том числе социальной) индивида, поводом профанных обсуждений (например, передача собственных ощущений от полученного опыта в рамках повседневного разговора, и «священное» погружается и растворяется в социальном), попыткой установления особой статусности и т.д. Религиозное перестаёт быть собственно тайным, интимным, индивидуальным. Оно превращается в очередной модный атрибут современного обывателя. Подобно тому, как человек украшает своё тело по последнему «тренду» дизайнеров одежды, так и религиозное имеет свою актуальность, сезонную предпочтительность, может быть рекомендовано как символ современности и т.д.

Социальная элитарность – основная форма сакрального современного социума, новое «священное». Определённая группа, имеющая особый социальный, политический или экономический статус, отчуждается от остальной части общества как «совершенно иное»: наличие особой нравственности (основной принцип: «Quod licet Iovi (Jovi), non licet bovi», где Юпитер – представители этой группы), преднамеренное экзистенциальное отделение (подобно тому, как дом вождей отделялся от остальных домов в поселении из-за магической силы его хозяина [11, с. 67-68]), особые повседневные условия существования (аналогично персидским царям, перед которыми раскатывали ковровую дорожку, чтобы они не потеряли свои мистические силы [6, с. 182]) и т.д. Ницше Ф. отмечал особое значение аристократии (особой социальной элиты) в социуме, указывая на такие её черты как стремление к творчеству, созидание, воля к власти, энергичность, восхваления жизни и т.д. [7, с. 181-182, 265-268, 270; 8, с. 420]. Однако существует и иное мнение, указывающее массовость главной чертой аристократизма [9, с. 103-104].

Элитаризм выводит концепцию эгоцентризма на новый уровень. Чрезмерный эгоизм – это «святость», «высшая благодать», «обладание магическими силами». Отто Р. отмечал, что нуминозная (религиозная) ценность является первоосновой и первоисточником всех возможных объективных ценностей вообще [11, с. 93]. В социальной идеологии инициируется феномен особого аксиологического статуса элитарности, который порождает желание приобщиться к ней и «сакральному» эгоизму. Но эта «святость» доступна не всем. В социальном устройстве наличествует противоречие, которое не все способны преодолеть: с одной стороны, эгоизм становится важной доминантой, с другой, происходит внешнее давление социума, который осуждает его. Он становится «священным» правом избранных. Стоит отметить, что цифровое пространство способствует формированию «святости» и даже «божественности» индивида (оно стимулирует реализацию принципа Фейербаха Л. «Homo homini Deus est»

в искажённой и гиперболической форме). Возникает отчуждённость индивида от своего экзистенциального статуса. Этому также способствует ницшеанский принцип приукрашивания, формируя «совершенно иной» образ себя для индивидуума.

Всё вышеуказанное подчёркивает аспект кризиса мистического (момент «Mysterium» нуминозного, т.е. тайного). Оно стало обыденностью: колдуньи и гадалки на телевидении, передачи про экстрасенсов, платные курсы и пособия по магии и т.д. Огромное количество людей стали держателями «мистического», и ещё больше являются потенциальными его обладателями. Барт Р. отмечал, что астрология является инструментом мелкобуржуазного общества, которое устраивает себя по своим лекалам, изгоняя реальность [1, с. 237-240]. Таким образом, происходит редукция «Mysterium». Не нужно быть сверхъестественным существом или обладать особыми качествами. Эта сила (момент нуминозного) не требует особых качеств от обладателя, он уже в обществе – абсолютно любой индивид. Mysterium, mystes, mystik, тайное, сакральное становятся абсолютно доступными и массовыми, и теряют свои первоначальные качества. Каждый может стать магом, колдуном или шаманом, для этого не нужны специфические качества или особая инициация. Такое положение вещей аналогично служителям культа в христианстве и исламе согласно Буайе П.: специалисты не оцениваются с точки зрения их внутренних качеств (сверхъестественных способностей), а имеют специальную подготовку (образование) и их компетентность гарантирована крупной организацией [3, с. 365]. Момент ужасающего, т.е. «Tremendum», который имеет важное значение для нуминозного, отчуждается и редуцируется. Он не имеет места в новом «пипет». Специалист решит все проблемы, необходим только подходящий рецепт. Это же исключает важное для индивида чувство при контакте с нуминозным – чувство тварности, которое сопровождается осмыслением присутствия высшего, всемогущего существа или силы. «Священное» растворяется в профанном и становится синонимом социально-экономической статусности, а также обыденным атрибутом. Оно не есть собственно нуминозное, но лишь суррогат.

Литература

1. Барт, Р. Мифологии / Р. Барт. – М.: Академический проект, 2014. – 351 с.
2. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – М.: Добросвет, 2015. – 392 с.
3. Буайе, П. Объясняя религию: природа религиозного мышления / П. Буайе. – М.: Альпина нон-фикшн, 2018. – 496 с.
4. Вебер, М. Избранное. Образ общества / М. Вебер. – М.: Юрист, 1994. – 704 с.
5. Генон, Р. Кризис современного мира / Р. Генон. – М.: Эксмо, 2008. – 784 с.
6. Кемпбелл, Дж. Тысячеликий герой / Дж. Кемпбелл. – СПб: Питер, 2018. – 352 с.
7. Ницше, Ф. По ту сторону добра и зла / Ф. Ницше. – М.: Издательство «Э», 2018. – 320 с.
8. Ницше, Ф. Полное собрание сочинений в 13 томах. Т. 5. / Ф. Ницше. – М.: Культурная революция, 2012. – 480 с.
9. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет. – М.: АСТ, 2018. – 256 с.
10. Отто, Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным / Р. Отто. – СПб.: АНО «Изд-во С.-Петербур. ун-та», 2008. – 272 с.
11. Фрейд, З. Тотем и табу / З. Фрейд. – СПб.: Лениздат, 2014. – 224 с.
12. Фромм, Э. Синдром распада / Э. Фромм // Кризис сознания: сборник работ по «философии кризиса». – М.: Алгоритм, 2009. – С. 82-97
13. Элиаде, М. Аспекты мифа / М. Элиаде. – М.: Академический проект, 2010. – 251 с.
14. Юнг, К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов / К.Г. Юнг. – М.: Port-Royal, 1997. – 384 с.